

Читайте также в серии:

«Смерть пахнет сандалом»

«Страна вина»

«Лягушки»

«Большая грудь, широкий зад»

«Сорок одна хлопущка»

«Красный гаолян»

«Устал рождаться и умирать»

«Перемены»

МО
ЯНЬ

Тринадцатый
шаг

INSPIRIA
Москва

УДК 821.581-31
ББК 84(5Кит)-44
М74

Mo Yan
THIRTEEN STEPS

Copyright © 1989, Mo Yan
All rights reserved

Перевод с китайского *Кирилла Батыгина*

Литературный редактор *Екатерина Казарова*

Мо Янь.

М74 Тринадцатый шаг / Мо Янь ; [перевод с китайского
К. Батыгина]. — Москва : Эксмо, 2026. — 448 с.

ISBN 978-5-04-215395-2

«Даже если эти события никогда не происходили, они определенно
могли бы произойти, обязательно должны были бы произойти».

Главный герой — безумец, запертый в клетке посреди зоопарка. Кто
он — не знает никто. Пожирая разноцветные мелки, рассказывает он всем
нам истории о непостижимых чудесах из жизни других людей. Учитель
физики средней школы одного городишки принял славную смерть, бух-
нувшись от усталости прямо о кафедру посреди урока...

Образный язык, живые герои, сквозные символы, народные сказания,
смачные поговорки будут удерживать внимание читателей от первой до
последней страницы. Каждый по-своему пройдет по сюжетной линии ро-
мана как по лабиринту. Сон или явь? Жизнь или смерть? Вымысел или
правда? Когда в жизни для нас наступает шаг, которому суждено стать ро-
ковым?

УДК 821.581-31
ББК 84(5Кит)-44

ISBN 978-5-04-215395-2

© Батыгин К., перевод на русский язык, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ДРУГИЕ ВОСЬМИДЕСЯТЫЕ

В современном Китае, который уже на четыре десятилетия отстоит от 1980-х годов, за этим временем закрепился вполне определенный образ. Это время больших надежд: в чем-то наивное, в чем-то нелепое, в чем-то трогательное. На восьмидесятые пришлась молодость родителей нынешних 40-летних — так называемых «пост-восьмидесятников», детей, родившихся в условиях политики «одна семья — один ребенок», без братьев и сестер. С позиций сегодняшнего дня это время кажется «пост-восьмидесятикам» чем-то романтически-идиллическим, когда в обществе еще не было сильного имущественного разрыва, будущие миллионеры жили на одной лестничной площадке с будущими сторожами и курьерами, когда люди были еще не испорчены деньгами, роскошью, мониторингом новостей с фондовых бирж...

И при этом это уже время начавшихся реформ: как экономических, так и идеологических. Уже можно было говорить многое, что раньше и представить себе было нельзя (по некоторым направлениям сейчас тоже нельзя, а тогда можно было!); уже появилась дома еда в холодильнике (да и сами холодильники появились!), уже никого больше не отправляли на трудовое воспитание в деревню, а на молодежных посиделках играли не только военно-патриотические песни, но и записи Терезы Тенг — суперзвезды тайваньской эстрады.

Вот такое оптимальное сочетание, «золотая середина». Сравнивая эту эпоху (я ее называю «долгими восьмидесятыми», расширяя декаду почти в два раза: от смерти Мао Цзэдуна в 1976 году до смерти Дэн Сяопина в 1997 году) с периодом «культурной революции», который ей предшествовал, да и с последующими временами «дикого капитализма», восьмидесятые действительно кажутся временем, в которое хочется вернуться.

Но, как часто бывает, «пост-память» весьма сильно отличается от ощущений современников «здесь и сейчас». Это нынче тот же Мо Янь, судя по его интервью, испытывает ностальгию по временам своей молодости в восьмидесятых (в 1988 году, когда он опубликовал «Тринадцатый шаг», ему было 33 года), — а тогда, в моменте, он написал жесткую социальную сатиру, полную горького разочарования и яростного протеста против нравов в пореформенном китайском обществе.

1988-й — это же еще и за год до событий на площади Тяньаньмэнь. Исторический отрезок 1987–1989 годов вообще стоит особняком, даже в контексте относительно свободной эпохи «долгих восьмидесятых». В 1987 году на XIII съезде Коммунистической партии Китая ее возглавил Чжао Цзяян — горячий поборник реформ, сторонник либерализации политической системы. Влияние Чжао Цзяяна в китайском руководстве не было всеохватным — в конце концов на самом верху неформальной иерархии был еще умудренный опытом Дэн Сяопин, занимавший более нейтральную позицию, да и среди сверстников Чжао Цзяяна во власти хватало убежденных противников слишком реши-

тельных преобразований. (И именно эти противоречия между ними стали главной причиной «тяньаньмэньского кризиса», по итогам которого победили консерваторы, а Чжао Цзяян был отправлен под арест). Однако же именно тогда, в 1987–1989 годы, страну захлестнула волна свободомыслия, и если был в истории Китая период, похожий на горбачевскую «гласность», то это как раз эти годы.

Мы не можем не рассматривать «Шаг» в отрыве от данного контекста. Те реалии, которые описал Мо Янь в своем произведении, не появились именно в эти два с небольшим года — так или иначе они существовали все пореформенное время, которое и другие авторы (тот же Юй Хуа в своих знаменитых «Братьях») характеризовали как эпоху лицемерия, гротеска и абсурда. Однако, именно в 1988 году общественная обстановка была столь накалена и при этом столь располагала к публичным высказываниям, что Мо Янь смог (решился/захотел/дерзнул) опубликовать такой решительный манифест.

Случись кому из высшего китайского руководства прочитать тогда эту книгу, он мог бы повторить знаменитую фразу Николая I на премьере гоголевского «Ревизора»: «Всем досталось, а мне более всех!» Ведь вице-мэр Ван, один из ключевых персонажей романа, тучный, недалёкий и при этом привыкший всего добиваться, не прилагая особых усилий, — что это как не аллюзия на все партийно-правительственное чиновничество?

Другая ассоциация, которая может возникнуть у среднестатистического читателя, тоже касается чиновников. Это «Замок» Франца Кафки. Реальность «Шага» тотально абсурдна, но ни в чем этот абсурд не проявляется так ярко, как во взаимодействии с бюрократическими процедурами. И в выборе этого острия для сатиры проявляется ещё одна яркая черта китайских 1980-х — стремление вывести наконец личность из-под определяющего «всё и вся» диктата государственного молоха, которое на практике обычно олицетворяет конкретный мелкий чиновник. Как мы увидим в романе, — получается не очень.

Из других примет времени — гротескная бедность главных героев, относящихся к интеллигенции. Читателю, возможно, покажется парадоксальным, но весной 1989-го студенты — суть, та же будущая интеллигенция — вышли на площадь не столько ради демократии и прав человека (хотя эти лозунги тоже были), сколько против некомпетентности, nepотизма, коррупции во власти и за свою собственную «железную чашку риса», неотъемлемый атрибут маоистского времени, который был потерян с началом реформ, и первыми, кто почувствовал на себе эту потерю, — были учителя, преподаватели, сотрудники государственных больниц, контор, бюро. Единственным выходом из нищенского положения, которое было очевидно по сравнению с положением тех, кто обуздал «волну реформ», — было «выйти в море», как тогда говорили в Китае, то есть заняться предпринимательством, спекуляцией, поискать счастья в частном найме. Кто-то преуспел на этой ниве, кто-то так и не смог заставить себя «потерять лицо» (с точки зрения традиционных представлений о месте интеллигенции в структуре китайского общества); большинство же, даже встав на этот путь, не смогли пройти его до конца — потерпели крах или поняли, что это не их призвание. Как тут не вспомнить наши российские 90-е?..

Роман Мо Яня «Тринадцатый шаг», безусловно, носит вневременной характер, и как литературный шедевр представляет ценность сам по себе — вне страноведческого контекста. Однако для историка или просто человека, который хочет разобраться, что лежит в анамнезе китайского «экономического чуда», эта книга интересна еще и как уникальное свидетельство о настроениях в 1980-х годах. Отдельные детали, элементы быта, повседневности, подсвеченные в книге, — благо, что текст сопровождается точными и компетентными комментариями переводчика, — также представляют интерес. Все вкуче позволяет рекомендовать ее каждому, кто увлечен современным Китаем и старается расширить свои знания и впечатления об этой стране.

*Иван Зуенко
Перedelкино, октябрь 2025 года*

О ЖАНРАХ, ИГРАХ С МЕСТОИМЕНЕНИЯМИ И СДВОЕННЫХ ПИРЕ

*Вводное слово от переводчика
и литературного редактора*

Для нас эта книга уже подошла к концу, а для вас, уважаемые читатели, только начинается. И именно поэтому считаем целесообразным — да простят нас те читатели, которым такие отступления кажутся излишними, — немного сориентировать вас по стилистике и форме произведения, чтобы погружение в мир «Тринадцатого шага» стало минимально болезненным — Именно минимально, поскольку боль здесь, как и во многих романах Мо Яня, предполагается по умолчанию.

Если попытаться приписать «Шагу» жанр, то, вероятно, это будет «полифонический моноспектакль», трагикомедия с мощными метаэлементами. Из уже доступных на русском произведений Мо Яня ближе всего к «Шагу» не менее авангардистская «Страна вина». Причем метанарративы в «Шаге» особенно сильны. Оцените степень погружения: он (Мо Янь) рассказывает историю о том, как он (сказитель) рассказывает нам (и аудитории внутри книги, и читателям вне нее) о том, что случилось, когда он (учитель физики средней школы) скоростно скончался за кафедрой во время урока... Автор не просто признает тот факт, что он пишет эту историю, а мы ей внимаем. Автор разыгрывает нестабильное позиционирование субъектов повествования как ключевой мотив всего сюжета. И мы еще опускаем переводчика и редактора, которые — более-менее по собственной воле — в определенной мере становятся здесь на место автора и его сказителя, накладываясь на них, но парадоксальным образом оставаясь в стороне. Причем весь этот спектакль в идеале должно озвучивать одним голосом со способностью к искусной мимикрии. Это тот роман, который одновременно выигрывает при чтении вслух и крайне сложен для читки — Мы заранее выражаем сочувствие и признательность уважаемому чтецу, который возьмется за озвучку романа, это предприятие не из легких!

Мы не видим необходимости объяснять, как следует понимать «Шаг». Каждый читатель в конечном счете самостоятельно проходит по тексту — Этому и любому другому — свой собственный, неповторимый путь, по которому, как ни странно, больше можно сказать о самом читателе, нежели о тексте. Мы сознаем, что, будучи переводчиком и редактором, оказались теми же читателями, вовлеченными в сюрреалистическую (или же все-таки реалистическую?) игру, которую достопочтенный Мо Янь разыгрывает на протяжении всего романа, и постарались как можно меньше в нее вмешиваться. Со своей стороны мы только выносим в сноски контекст, необходимый для понимания вводимых писателем тонких аллюзий. И отдельно благодарим коллегу Ивана Зуенко, известного китаевода и публициста, за статью о реалиях «долгих 1980-х» в Китае. Мы надеемся, что эти ориентиры дадут дополнительно прочувствовать и осознать, как и чем жили китайцы в это

время. Цель настоящего вводного слова — прокомментировать некоторые стилистические моменты.

И в ходе перевода, и в ходе редактуры стало очевидно одно: это роман о том, кто и как рассказывает истории. Мо Янь постоянно заставляет нас мучаться тем же вопросом, которым мучаются те самые мы-слушатели его-сказителя: кто и зачем нам повествует этот сюжет? Совет от переводчика и редактора, уже прошедших все «тринадцать шагов»: читайте неспешно, расслабленно и — самое главное — обращайтесь внимание на местоимения. Роман четко структурирован, но в разных разделах, абзацах, даже предложениях фокус легко и неожиданно сдвигается от него-сказителя через нас-слушателей к, например, ему-учителю, который может фигурировать даже в отдельной фразе одновременно как «он», «ты» и «я». В «Шаге» достигается некий пик склонности Мо Яня погружать читателя в мысли и чувства персонажей. Местоимения в каждом отдельном случае — важная подсказка, о каком конкретном герое дальше пойдет речь. Расплывчатость фигуры автора, сказителя и героев — ключевая характеристика «Шага». Грани между этими фигурами не было, нет и быть не может. Ведь в конечном счете любой роман, как крайне ортодоксальный, так и крайне экспериментальный (а именно таковым представляется нам «Шаг»), находит свой источник обычно в одной-единственной голове.

По той же причине предлагаем обратить внимание на специфический знак препинания, который вы, читатели этой книги, уже, скорее всего, заметили в данном вводном слове — и который, к сожалению, недоступен вниманию слушателей этой книги, но вероятно будет удобен как ориентир для чтеца: сдвоенное тире. В китайском языке тире всегда сдвоенное (в частности, чтобы оно не путалось с иероглифом, обозначающим «единицу»), но в целом китайские тексты обычно структурируются как сложносочиненные предложения с множеством запятых. «Шаг» поразителен засильем тире, причем это не просто пунктуационные знаки, это разделители уровней повествования, указание на поворот в сюжете — Редактор признает, что в самом начале было трудно привыкнуть к этому — Переводчик соглашается, благодарит редактора за взаимодействие и подчеркивает, что это часть авторского замысла. Сдвоенные тире направляют повествование, выделяя места, где, например, он-сказитель вмешивается в мысли их-героев. Мы постарались подойти к этим повествовательным тире с позиций здорового минимума и обыграли их во всех возможных случаях, фактически сохранив эти знаки как часть инструментария романа. Так, предложения за ними мы систематически начинаем с заглавной буквы, поскольку это новые идеи, «вторгающиеся» в основной текст.

В (не) добрый же путь, уважаемые читатели, и надеемся, что наши небольшие мысли вслух будут вам в помощь при поиске ответа на не менее важный вопрос: а почему роман называется именно «Тринадцатый шаг»? Переводчик здесь заметит, что с тем же успехом название могло быть и «Тринадцать шагов» (обратите внимание на количество частей), но даже изначальное китайское издание допускает трактовку именно как «Шаг». Потому что из всех тринадцати шагов тринадцатый — самый важный...

Кирилл Батыгин и Екатерина Казарова,
сентябрь 2025 года

Не только от живых, но и от мертвых мы страдаем.
Le mort saisit le vif! [Мертвый хватает живого!]

*Карл Маркс,
Предисловие к первому изданию «Капитала»*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

К

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

Маркс ведь тоже не владыка Небесный! Ты сидишь, свесив худые, длинные ноги и усохшие руки с желтой перекладины в клетке, — В смутной мгле то появляются, то скрываются твои нагое тело и непокрытое лицо, тени железных прутьев сетью охватывают твою фигуру, придавая тебе сходство с коршуном, который вопреки голоду и усталости сохраняет бодрость духа. — Безо всяких колебаний говоришь ты нам: немало горечи мы вкусили из-за Маркса!

От слов его, неизмеримо преступных и сумасбродных, нас бросает в ужас. Он приподнимает голову так, что полоса тени посреди яркого света ложится ему на кадык, отчего создается впечатление, будто он собирается блестящим лезвием отсечь себе башку — Истина, как и я, — вещь совершенно голая и ничем не прикрытая. Гласят поговорки: «Говоря правду, вредишь себе», «Правдивые слова просто сказать, но тяжело воспринять». Не критикуя Маркса, мы передохнем с голода! Нельзя считать сторонником Маркса того, кто его не осуждает! — Нам безразличны твои вздорные речи, разве ты не видишь, что всех нас уже одолевает непрерывная зевота? Жесткие листочки черного бамбука проникают пачками острых лезвий сквозь прямоугольные отверстия между прутьями. Мы просовываем тебе белые мелки. Ягоды, которые мы тебе подкидываем, ты не ешь. Мелки мы кидаем из вредности, потому что ты даже свежие фрукты не ешь. В неисчислимых клетках этого громадного зоопарка нет ни одного животного, будь то млекопитающее или пресмыкающееся, которое бы отказа-

лось от свежих фруктов, а вот ты их не ешь. Ловко вытягиваешь лапы, подхватывая закидываемые нами мелки, открываешь рот, являя непроглядно черные зубы, надкусываешь мелок и начинаешь рассказывать историю. Ты — заключенный в клетку сказитель. Медленно жуешь ты, а потом, обжигая нас похожими на тлеющие кончики сигарет глазами, принимаешься беспрерывно болтать...

Понедельник, вторая половина дня, Фан Фугуй¹, учитель физики третьего класса высшей ступени² общегородской средней школы № 8, стоит у кафедры и рассказывает о законах, по которым вертятся атомы, и занимательные сюжеты из истории изобретения человечеством первой ядерной бомбы. Ученики замерли и слушают. На кафедре стоит коробка с разноцветными мелками, и ты обращаешь наше внимание, что пока учитель без остановки тарабанит, сжатый у него в руке мелок чиркает, выводя на доске замысловатые зигзаги, будто сплетая из железной проволоки клетку. На переносице у учителя пристроились очки в крупной оправе, дужка обвита белым лейкопластырем. Это хороший человек, и никто из верхов и низов школы ничего дурного про него сказать не может. Жена у него тоже прекрасная, работает поденщицей на открытом при школе заводе по производству консервов из крольчатины³, «сни-

¹ Да простят читатели и слушатели вашего покорного слугу за встречу с возможно никому не нужными разъяснениями. Общеизвестно, что сторонние наблюдения исполнителя чужого текста на новом языке могут быть излишними и надоедливыми. Буду прилагать все усилия для того, чтобы мои сноски служили исключительно на пользу знакомству с романом почтенного Мо Яня. Считаю важным доложить вам здесь следующее. Имена наших скромных героев зачастую говорящие и нередко ироничные. Так, «Фугуй» — буквально «Богатый и знатный». (*Здесь и далее — прим. перевод.*)

² Школьная система Китая включает неполную среднюю школу (7–9 классы, с 12 по 14 лет) и полную среднюю школу (10–12 классы, с 15 по 17 лет). «Высшая ступень» подразумевает именно последние классы средней школы.

³ Такие промышленные и сельскохозяйственные предприятия при учебных заведениях разных уровней не только китайская реалья. В частности, китайцы перенимали схожий опыт из СССР. Для наших целей важно знать, что подобные инициативы реализовывались еще на

Часть первая

мает халатики и сдирает шапки» кроликам. У учителя также есть сын и дочь, сына нарекли Фан Луном, а дочь — Фан Ху¹. Это дети с тончайшими чертами лица, образованные и воспитанные, общепризнанные молодцы — Но о них мы пока рассказывать не будем! Ты говоришь, что Фан Фугуй рисует аудитории такое грибовидное облако, что глаза лезут на лоб, а мозги вскипают у всех пятидесяти с лишним учеников. Учитель этот — мой близкий соратник. Мы сразу замечаем, что у тебя лицо неестественно перемазано губной помадой.

— Когда бомба взрывается, сталь превращается в пар, а каждая песчинка в пустыне — в стекляшку! — Это он заявляет — Это ты нам говоришь — Головы учеников мелькают в грибовидном облаке, которое он описывает: голова, еще одна и еще одна... Три лица, пять, семь... На каждой голове дыбом встают жесткие волосики, походящие на бушующие языки огня... В клетке справа от меня, кажись, живут горделивые альпаки... Он чувствует себя довольно скверно, то и дело в голове собирается все больший туман, какими-то совсем диковинными на вид становятся эти детки, чего это они задумали? Звук пережевываемых тобой мелков смешивается со звуком витиеватых движений мелка по черной доске из твоего рассказа, и нас передергивает, аж до зубовного скрежета. Ты говоришь: ну что, хотите поглядеть, что думают ученики? Ты, что, хочешь, чтобы увидели все глазами Фан Фугуя?

Десять с чем-то учащихся думают о том, как бы поступить в вузы, отучиться на магистров, потом стать докторами наук, пойти работать на завод по производству атомных бомб

опорных пунктах Коммунистической партии Китая в период войны сопротивления японским захватчикам (1937–1945). После 1949 года — образования КНР во главе с КПК — по всему Китаю поощрялось создание предприятий при школах для поощрения параллельной учебы и трудовой практики. После 1976 года — кончины Мао Цзэдуна, окончания разрушительной, в особенности для системы образования, «культурной революции» и начала постепенного сдвига Китая к более открытой, рыночной экономике — описанная практика позволяла, помимо прочего, исполнять расходы учебных заведений.

¹ Буквально «Дракон» и «Тигрица».